

Научная статья

УДК 940(470)“12/19”:323(470)“20”

DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_145

ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ОПЫТ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Василий Викторович Лактионов¹, Сергей Вячеславович Никишин²

*Воронежский государственный педагогический университет^{1, 2}
Воронеж, Россия*

¹Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, экономики
и социально-гуманитарных дисциплин, тел.: (473) 255-26-19, e-mail: laktionov_v@inbox.ru

²Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, экономики
и социально-гуманитарных дисциплин, тел.: (473) 255-26-19, e-mail: mrshin@mail.ru

Аннотация. В данной статье с помощью метода моделирования анализируется золотоордынская модель национальной политики, взятая на вооружение в качестве образца Российским государством. Опираясь на опубликованные работы отечественных авторов, мы определили ряд характеристик данной модели в политической, экономической и духовной сферах, призванных организовывать жизнь этносов и взаимоотношения между ними.

Ключевые слова: Золотая Орда, модель, национальная политика, этнос, власть, национальные элиты, податное сословие, отношение к религиям.

Для цитирования: Лактионов В.В., Никишин С.В. Золотоордынская модель национальной политики и опыт ее использования в истории Российского государства // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 1. С. 145–151. DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_145.

Введение

Современная ситуация в России, связанная с межнациональными отношениями, приобрела особую остроту в связи с позицией Западной Европы, которая ведет против нее неприкрытую экономическую, идеологическую и, можно сказать, гибридную войну. Упор делается на подрыв единства российских народов, развал страны изнутри, как это произошло с Советским Союзом. Однако Россия во все предыдущие исторические периоды смогла не только отразить удар, но и преуспеть как на поле боя, так и в деле сплочения всех этносов перед внешним врагом. Следовательно, сейчас наиболее острым является вопрос о межнациональных отношениях в России, их исторических корнях.

Россия издавна была государством с полиэтническим и поликонфессиональным составом, имеет богатый исторический опыт взаимодействия различных институций. Данная оценка справедлива и для нынешнего состояния страны: «Этноразнообразие России в настоящее время, несмотря на территориальные потери в связи с распадом СССР, насчитывает 145 этнических групп (и 49 входящих в них подгрупп). А различные группы населения

используют в повседневном общении 277 языков и диалектов; в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 – в качестве языка обучения, 81 – в качестве учебного предмета» [1, с. 86]. Такое значительное языковое и культурное разнообразие совместно проживающих народов во все времена требовало внимательного отношения и осторожной национальной политики.

Понятие «национальная политика» относится к наиболее сложному направлению общей внутренней и международной политики государства, партий и других субъектов. Существует целый ряд определений этой дефиниции. Так, в одном из этнопсихологических словарей под «национальной политикой» понимается: «1) совокупность законодательных организационных и идеологических мер государства, направленных на организацию жизни этносов и взаимоотношений между ними; 2) стратегия и деятельность, осуществляемые государством и направленными на учет, сочетание и реализацию национальных интересов всех этнических общностей» [2]. Более точное и емкое определение понятия «национальная политика», на наш взгляд, дано в «Толковом словаре демократического новояза и эвфемизмов»: «По своей

сути национальная политика – это политика многонационального государства по отношению к проживающим в государстве народам» [3]. Что касается термина «модель», то актуальными в рамках настоящей статьи являются следующие его трактовки: «формализованная теория, на основе которой может быть сделан ряд предположений» [4, с. 186]; «образец, эталон, стандарт для массового производства или подражания» [5]. По мнению многих современных отечественных ученых, основная модель управления территориями, присоединенными в Средневековье к Русскому царству, сформировалась на базе опыта взаимодействия с Золотой Ордой. Соответственно, целью нашего исследования стало описание золотоордынской модели национальной политики, взятой на вооружение в качестве образца национальной политики России. Опираясь на представленные дефиниции, мы определяем ряд характеристик данной модели в политической, экономической и духовной сферах российского государства, призванных организовывать жизнь этносов и взаимоотношения между ними.

Результаты

История становления межнациональных и межконфессиональных отношений в России имела сложный характер. Со времени присоединения осколков Золотой Орды – приволжских ханств, продвижение границ Русского государства на восток сопровождалось включением в его состав множества народов, находившихся на разном уровне развития, придерживавшихся различного вероисповедания, причем условия их вхождения в состав России варьировались. Эти обстоятельства и колоссальные размеры присоединенных территорий способствовали тому, что власти старались проявлять максимальную гибкость в национальной политике.

Вопрос о власти всегда является острым в любой стране на любом этапе ее исторического развития. Россия не является исключением. В борьбе с монгольскими завоевателями сформировалось единоличное правление общерусского лидера, сплотившего вокруг себя князей и народ. Эта форма правления устояла не только в условиях внешней агрессии, но и во внутренних столкновениях с сословно-представительными органами власти. О жизнестойкости данной формы говорят различные исторические события: период существования Новгородской феодальной республики, Семибоярщина и даже те, что произошли в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Формироваться единоначалие в Русском государстве начало именно во время противостояния данного государства с Золотой Ордой и принятия подобной формы власти. Отечественные историки так описывают процесс перехода от вече – формы правления, характерной для раннефеодального Русского государства, к единоличной власти: «Общество Руси до монгольского завоевания основывалось на вечевом порядке, а после нашествия князя приходили к власти благодаря ярлыкам, которые получали от хана Золотой Орды, в то время как раньше садились на престол по приглашению вече, обсуждая при этом условия своего княжения. Так что монгольское завоевание сделало князя самостоятельным по отношению к вече,

создав условия для реализации его монархических потенций» [6, с. 77]. Безусловно, золотоордынские ханы не стремились к чрезмерному усилению какого-либо князя, поэтому меняли владельцев ярлыка, но с ослаблением Орды, а потом и с освобождением от ее оков «князь Московский стал считаться преемником ордынского хана и принял титул царя» [6, с. 90]. Данная модель существенно отличалась от западной: «В Москве превалировал принцип восточного вассалитета: «Вассал моего вассала также является моим вассалом» [6, с. 103].

С течением времени царская власть укреплялась и превратилась в императорскую, но, поскольку не смогла адаптироваться к изменениям, происходящим в мире и российском обществе, пала. В ходе революционных потрясений 1917 г. установилась новая власть, которая прошла через представительство советов, Гражданскую войну и обрела черты абсолютной в сталинскую эпоху. Затем постепенный дрейф номенклатурно-представительной власти сменился демократическими преобразованиями современного состояния: общенародной выборности первого лица в государственной иерархии. Таким образом, через все эти многовековые трансформации, через войны и социальные потрясения выстояла идея сохранения в нашей полиэтнической и многоконфессиональной стране ответственности первого лица за все в ней происходящее.

Другой важной характеристикой золотоордынской модели была опора на местные элиты, существовавшие в российском феодальном обществе. После завоевания Руси монголы довольствовались ее полным подчинением и учредили институт баскаков, которые собирали налоги, но почти не вмешивались в управление территориями. Этот институт постепенно утратил свои функции, и сбор налогов перешел в ведение местных князей, а потом стал прерогативой московских князей, что способствовало возвышению Москвы. Достаточно подробно эта характеристика национальной политики золотоордынской модели рассмотрена в учебном пособии «Государственная национальная политика Российской Федерации» под редакцией В.А. Тишкова. В нем аргументированно говорится о том, что «вопрос о сотрудничестве с этническими элитами был одним из краеугольных камней государственного управления в России... При организации управления власть опиралась не на абстрактные “народы”, а на местные элиты, традиционные привилегированные слои – аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство. Русские элитные слои традиционно сотрудничали с представителями иноэтнических элит. Сам процесс формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию» [7, с. 64]. Эта «корпорация» формировалась почти исключительно из местной элиты, и главным условием вхождения в нее была преданность сначала царю, а потом императору, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. Такое отношение к регионам было характерно для России. А.Ю. Полунов, анализируя властные отношения в России, констатирует:

«Сохранение на местах широкой автономии, союз властей с местными элитами, привлечение их к делам управления, способность защитить местные народы от внешней агрессии, выступить в качестве арбитра при разрешении споров между ними – применение всех этих принципов помогало эффективно интегрировать новоприсоединенные территории в состав Российского государства» [1, с. 86]. Необходимо также отметить, что условия, при которых народы входили в состав данного государства, существенно влияли как на статус местной элиты, так и на автономию управления этой территорией. А «локальные юридические нормы включались в общий корпус государственного законодательства, как правило, в масштабе отдельных регионов (установления обычного права, шариата и др.)» [7, с. 64]. При этом «опора в первую очередь на местные структуры управления все равно оставалась одним из ведущих принципов деятельности центральной власти» [7, с. 94]. Отклонения в той или иной форме от золотоордынской модели – прямого включения местных элит в единую аристократическую корпорацию управления – приводили к серьезным проблемам. Например, знать западной части Украины после получения от Речи Посполитой привилегий переняла польский язык и даже католичество и культуру в целом. Восточная часть исторически тяготела к России, поскольку ее жители (в первую очередь казачество) сохранили православие и в целом культуру Руси. Это привело к расколу и началу гражданской войны, «в ходе которой западная часть Украины, искавшая покровительства со стороны Речи Посполитой и Османской империи, выступила против восточной части, настроенной пророссийски» [1, с. 97]. Так возникла проблема двух частей Украины, имеющая пролонгированный до современности характер. Стоит обратить внимание еще на два исторических примера. В затяжной Кавказской войне XIX в. этнический фактор оказался тесно связан с конфессиональным, и последнее обстоятельство сыграло огромную роль в войне на Северном Кавказе. В это время происходила смена старой элиты на новую – верную исламу, и лишь после того, как «исламская» элита окрепла на данной территории, был заключен мир, а ее представители были включены в элитные слои России. В то же время широчайшая автономия Финляндии и Польши, дарованная этим государствам российским императором во время их присоединения, привела к их отторжению от империи при первой благоприятной возможности.

Пришедшие к власти большевики провозгласили равенство всех народов и свободу самоопределения. Дальнейшие перипетии становления Советского государства и классовая борьба, объявленная РКП(б), привели к уничтожению этнических элит. Ликвидация опоры царского режима на местах поднимала авторитет становящейся власти, но возникший вакуум поставил вопрос о необходимости создания новой (советской) элиты на местах. Так появилась политика «коренизации». Одним из ее направлений было привлечение наиболее активных сторонников новой власти, проявивших себя в Гражданской войне, к управлению на родной территории. Были созданы институты обучения будущих управленцев, в которых

преобладала марксистско-ленинская направленность подготовки. В основном из выпускников этих институтов в дальнейшем формировалась номенклатура – слой партийно-советских работников. Национальность в этом процессе «татаризации», «якутизации», «грузинизации» и так далее играла главную роль: назначение на руководящие посты осуществлялось в регионах по признаку титульной национальности, что привело впоследствии к различным «перекосям» и «уклонам». В результате в конце 1920-х гг. политика «коренизации» была отвергнута, кроме кадровой политики. Отличительной особенностью новой советской номенклатурной элиты являлся процесс ее формирования. Назначение осуществлялось в лучшем случае с одобрения вышестоящего органа. С течением времени все руководящие посты в партийных, советских, хозяйственных и даже общественных организациях подлежали согласованию с вышестоящим партийным органом или просто назначению им. Первым секретарем партийного комитета (от района до республики) всегда назначался представитель титульной национальности.

Другой особенностью советской элиты было ее структурное усложнение: все больше сфер жизни получали номенклатурно-бюрократическое оформление. Этот процесс охватил все национальные окраины (от автономных областей до союзных республик). Выборность различных органов носила относительно условный характер не только потому, что партийные органы контролировали личные характеристики, но и потому, что существовало обязательное процентное соотношение по социальному и национальному составу каждого выборного органа. Следовательно, опора на национальные элиты сохранилась и в Советском Союзе, изменился лишь механизм вхождения в элиту. Характеризуя этнические элиты, М.А. Дадуев пишет: «... этнические элиты стремятся к власти (публичной или латентной), выдвигают лозунги сплочения и мобилизации ради политических целей. Делают они это с разной степенью радикализма и в разных формах» [8, с. 228]. Именно эти процессы охватили СССР в конце 1980-х гг. Из-за «парада суверенитетов» развалилось некогда мощное государство, устоявшее перед европейским вторжением под предводительством фашистской Германии. Успешное достижение поставленных целей бывшими союзными республиками стимулировало активное представление требований этническими движениями непосредственно в самой России. По мнению М.А. Дадуева и В.К. Волкова, «требования “внутреннего сепаратизма” – раздела субъектов федерации и создания новых регионов по этническому принципу – выдвигали ингушские, карачаевские, балкарские, ногайские, кумыкские, черкесские, кабардинские, лезгинские, казацкие движения. Успеха добились только в Ингушетии (в 1992 г. создана республика, вышедшая из состава Чечено-Ингушской АССР), но это исключительный случай» [8, с. 230]. В.К. Волков объясняет движения 1990-х гг. стремлением элит ограничить доступ конкурентов к собственности: власти, земле, капиталу и т. д. [9].

На основании изложенных материалов можно сказать, что ослабление власти центра приводит к пробуждению этнического сепаратизма местных

элит, а сильная централизованная власть, избираемая общероссийским голосованием, сдерживает эти порывы.

Экономическая составляющая властных отношений является другим и не менее важным моментом характеристики золотоордынской модели национальной политики России. Мы уже отмечали, что князья Руси были встроены в систему управления Золотой Орды. «Золотая Орда всегда признавала экономическую, культурную и политическую автономию русских земель, а зависимость проявлялась только в пожаловании ярлыков на княжение и выдаче дани хану Золотой Орды» [6, с. 103]. Исследователи этого аспекта утверждают, что «несмотря на обилие работ, посвященных Золотой Орде, в историографии истории государства Джучидов отсутствуют работы, которые целенаправленно и монографически рассматривали бы проблемы ее экономики» [10, с. 13]. Следовательно, при ограниченном количестве работ, характеризующих золотоордынскую экономику, можно лишь фрагментарно описать ее экономические отношения с русскими княжествами. Так, Р.Ф. Набиев полагает, что «величина выплачиваемого князьями “ордынского выхода” в мирное время не сказывалась на уровне жизни податного населения» [10, с. 23]. Ученый указывает: «Исходя из сведений письменных источников, выводов предшественников и в результате расчетов, основанных на реально применявшихся измерителях (алтын), выясняется, что прямой государственный налог с подвластных государств был невысоким. В мирное время он существенно не сказывался на благосостоянии населения, т. к. мог выплачиваться натуральным продуктом (рыночная цена которого могла в десятки раз превосходить его себестоимость). Также невысокими были и некоторые иные налоги, и сборы» [10, с. 33]. Это утверждение согласуется с результатами других исследований, свидетельствующими о сравнительно бережном отношении к этносам, проживающим на подвластных Орде территориях. Ю. Кофнер в статье «Экономика Золотой Орды (1240–1480)» более подробно характеризует ясак, а именно, как сумму налоговых сборов, взимаемых с какой-либо территориальной единицы, который делился:

1. На налог, взимаемый с кочевого хозяйства. «Копчур» (с тюркского языка означает буквально «пастбище») являлся основной податью для кочевого населения и состоял в выплате 1 % от поголовья скота и скотоводческой продукции.

2. «Выход», который трактуется историком как поземельный налог с оседлого населения, ставка которого не превышала 10 % от доходов хозяйствующего субъекта. Этот налог взимался одинаково (как с собственного населения, так и с вассальных Орде русских княжеств) в виде дани.

3. Многочисленные поборы и повинности.

4. Военская повинность [11].

Получается, что ясак, собираемый с русских земель в золотоордынскую казну, не был тяжким бременем для русских княжеств. По мнению Р.Ф. Набиева, его «расчеты принципиально не противоречат предположениям ученых, которые рассчитывали большие суммы собиравшихся налогов и отмечали, что основную часть (“львиную долю”) из общей суммы сборов составляли налоги в пользу местных правителей, которые сами их и собирали» [10, с. 22].

Продолжение царской, затем императорской властью золотоордынской политики «бережного отношения к окраинам» осуществлялось в течение всего периода существования Российской империи. Об этом свидетельствуют данные о налогах, собранные воедино Б.Н. Мироновым и скрупулезно посчитанные им. Согласно его вычислениям, прямые налоги русских и нерусских в XVIII в. были не в пользу доминирующего этноса: «... налог с “иноверцев” был меньше, чем у русского, в 1725 г. в 2,75 раза, а в конце века – в 10 раз» [12, с. 136]. Рассматривая положение русского и нерусского податного сословия в XIX в., Б.Н. Миронов пишет: «... в 1886–1895 гг. преимущественно нерусское население 39 губерний платило в среднем в год 1,22 руб. налогов, в то время как население 31 великорусской губернии 1,91 руб., или на 50 % больше. Исключений не было: во всех районах, заселенных преимущественно нерусским населением и подчиненных общероссийской налоговой системе, прямые налоги были меньше» [12, с. 139]. Как видим, в Российской империи этносы окраин государства находились в более привилегированном положении, чем русское податное население. Эта характеристика ордынской модели национальной политики была реализована на новом этапе существования России – в СССР. Более того, если «выход», взимаемый с земель русских княжеств, был такой же, как и на территории Золотой Орды, то в позднем Советском Союзе, кроме России и Туркмении, не было республик с положительным торговым сальдо (табл. 1).

Таблица 1. Сальдо межреспубликанского и внешнеэкономического товарообмена в СССР в мировых ценах (1988 г., млрд руб.) [13, с. 299]

Республика	Межреспубликанский обмен	Внешнеэкономический обмен	Всего
Россия	+23,88	+6,96	+30,84
Украина	-1,57	-1,32	-2,89
Казахстан	-5,94	-0,64	-6,58
Белоруссия	-1,59	-0,46	-2,05
Узбекистан	-2,63	+0,09	-2,54
Азербайджан	-0,24	-0,21	-0,45
Литва	-3,33	-0,36	-3,69
Грузия	-1,61	-0,30	-1,91

Республика	Межреспубликанский обмен	Внешнеэкономический обмен	Всего
Молдавия	-2,22	-0,41	-2,63
Латвия	-0,99	-0,32	-1,31
Армения	-1,06	-0,31	-1,37
Киргизия	-0,54	-0,52	-1,06
Эстония	-1,06	-0,24	-1,30
Таджикистан	-1,20	+0,08	-1,12
Туркмения	+0,1	-0,06	+0,04

Выделим некоторые аспекты золотоордынскую модели национальной политики в России, сохранившиеся до наших дней. Исследователь С.А. Нефедов, характеризуя русско-ордынские отношения, пишет, что были «... заимствования в управлении, налоговой и административной системах – система дуального управления военных и гражданских властей (“баскаки”, “даруги”, “шихне”); переписи населения и основанная на них система податей и повинностей (подушно-поземельный налог, “тамга”, “улаг”, постоянная повинность и “корм”, всеобщая воинская обязанность, выражающаяся в поставках рекрутов). Существенными элементами этой системы стали: сеть почтово-транспортных станций (“ям”); государственные мастерские (“кархана”); государственные закупки (“тарх”); деньги с номинальной стоимостью и пр.» [14, с. 215]. Особо выделим переписи населения, которые регулярно проводятся в России. Их значение для экономики страны трудно переоценить, а сеть почтово-транспортных станций – современная логистика, связывающая на протяжении столетий российские территории, – как оказалось, имеет древние корни.

Описывая духовно-нравственные аспекты влияния золотоордынской модели национальной политики, выделим необычайную этническую и религиозную терпимость. По мнению Ю. Кофнера, все религиозные институты на подвластной Орде земле, в том числе Русская православная церковь, были полностью избавлены от налогообложения [11]. Об этом говорит и А.Ш. Кадырбаев: данные институты имели специальные ярлыки, которые защищали церковное имущество от произвола ордынцев [6].

Библиографический список

1. Полунов А.Ю. Россия как многонациональное государство: основные тенденции развития и механизмы управления // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. № 4. С. 86–102. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-86-102.
2. Этнопсихологический словарь онлайн. URL: <https://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/fc/slovar-205-1.htm#zag-230> (дата обращения: 22.10.2025).
3. Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов. URL: <https://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/fc/slovar-205-1.htm#zag-230> (дата обращения: 01.02.2026).
4. Социологический энциклопедический словарь / редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов. М.: ИНФРА М – НОРМА, 1998. 488 с.
5. Исторический словарь/М/Модель. URL: <https://www.onlineslovari.ru/dic-his/m/model.html> (дата обращения: 01.02.2026).
6. Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда: очерки истории и историографии: монография / отв. ред. Б.У. Китинов. Институт востоковедения Российской академии наук, Отдел истории Востока. М.: ИВ РАН, 2022. 368 с.
7. Государственная национальная политика Российской Федерации: учеб. пособие для специалистов в сфере национальных и религиозных отношений / В.А. Тишков [и др.]. М., 2020. 288 с.
8. Дадуев М.А. Субъекты управления политическими процессами на субнациональном уровне в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 227–232.

9. Волков В.К. Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира // *Полис*. 1993. №2. С. 6–15.
10. Набиев Р.Ф. Государство Джучидов в XIV веке : проблемы политического и экономического развития : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2014. 42с.
11. Кофнер Ю. Экономика Золотой Орды (1240–1480). URL: <https://rummuseum.ru/portal/node/2300> (дата обращения: 02.02.2026).
12. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланов, 2014, 892, [1] с.
13. Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 439 с.
14. Нефедов С.А. Теория культурных кругов (на основе анализа монгольских завоеваний) // *Уральский исторический вестник*. 2000. № 5 6. С. 189 220.
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 19.01.2026).

References

1. Polunov, A.Ju. (2023) *Rossija kak mnogonacional'noe gosudarstvo: osnovnye tendencii razvitija i mehanizmu upravlenija* [Russia as a multinational state: main development trends and governance mechanisms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo)*. (4), 86–102. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-86-102. (In Russian)
2. *Jetnopsihologicheskij slovar' onlajn* [Ethnopsychological Dictionary Online]. URL: <https://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/fc/slovar-205-1.htm#zag-230> (accessed: 22.10.2025). (In Russian)
3. *Tolkovij slovar' demokraticeskogo novojaza i jevfemizmov* [Explanatory Dictionary of Democratic New-speak and Euphemisms]. URL: <https://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/fc/slovar-205-1.htm#zag-230> (accessed: 01.02.2026). (In Russian)
4. Osipov, G.V. (ed.) (1998) *Sociologicheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Sociological Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Izdatel'skaja gruppa INFRA M NORMA. 488 p. (In Russian)
5. *Istoricheskij slovar' / M / Model'* [Historical Dictionary / M / Model]. URL: <https://www.onlineslovari.ru/dic-his/m/model.html> (accessed: 01.02.2026). (In Russian)
6. Kadyrbaev, A.Sh. (2022) *Zolotaja Orda: ocherki istorii i istoriografii* [The Golden Horde: Essays on History and Historiography]. Moscow, IV RAN publ. 368 p. (In Russian)
7. Tishkov, V.A. et al. (2020) *Gosudarstvennaja nacional'naja politika Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie dlja specialistov v sfere nacional'nyh i religioznych otnoshenij* [State National Policy of the Russian Federation: A Textbook for Specialists in the Field of National and Religious Relations]. Moscow. 288 p. (In Russian)
8. Daduev, M.A. (2014) Sub'ekty upravlenija politicheskimi processami na subnacional'nom urovne v Rossijskoj Federacii [Subjects of political governance at the subnational level in the Russian Federation]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*.(3), 227–232. (In Russian)
9. Volkov, V.K. (1993) *Jetnokratija – nepredvidennyj fenomen posttotalitarnogo mira* [Ethnocracy is an unexpected phenomenon of the post-totalitarian world]. *Polis*. (2), 6–15. (In Russian)
10. Nabiev, R.F. (2014) *Gosudarstvo Dzhuchidov v XIV veke: problemy politicheskogo i jekonomicheskogo razvitija*. Avtoref. diss. d-ra ist. nauk [The Jochid State in the 14th Century: Problems of Political and Economic Development: Abstract of a Doctor of Historical Sciences dissertation]. Kazan'. 42 p. (In Russian)
11. Kofner, Ju. *Jekonomika Zolotoj Ordy (1240–1480)* [Economy of the Golden Horde (1240–1480)]. URL: <https://rummuseum.ru/portal/node/2300>. (accessed: 02.02.2026). (In Russian)
12. Mironov, B.N. (2014) *Rossijskaja imperija: ot tradicii k modernu: v 3 t. T. 1* [Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes. Vol. 1]. St. Peterburg, Dmitrij Bulanov publ. 892, [1] p. (In Russian)
13. Gajdar, E.T. (2006) *Gibel' imperii: uroki dlja sovremennoj Rossii* [The Fall of an Empire: Lessons for Modern Russia]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija publ. (ROSSPJeN). 439 p. (In Russian)
14. Nefedov, S.A. (2000) *Teorija kul'turnyh krugov (na osnove analiza mongol'skih zavoevanij)* [Theory of cultural circles (based on the analysis of the Mongol conquests)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. (5 6), 189 220. (In Russian)
15. *Konstitucija Rossijskoj Federacii* (prinjata vsenarodnym golosovanijem 12.12.1993, s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (accessed: 19.01.2026). (In Russian)

Поступила в редакцию 21.01.2026

Подписана в печать 30.03.2026

Original article

UDC 940(470)“12/19”:323(470)“20”

DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_145

**THE GOLDEN HORDE MODEL OF NATIONAL POLICY
AND THE EXPERIENCE OF ITS USE IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN STATE**

Vasily V. Laktionov¹, Sergey V. Nikishin²

*Voronezh State Pedagogical University^{1, 2}
Voronezh, Russia*

¹*Cand. Histor. Sci., Docent of the Department of Philosophy, Economics, and Social Sciences
and Humanities, tel.: (473) 255-26-19, e-mail: laktionov_v@inbox.ru*

²*Cand. Philos. Sci., Docent of the Department of Philosophy, Economics, and Social Sciences
and Humanities, tel.: (473) 255-26-19, e-mail: mrshin@mail.ru*

Abstract. This article uses modeling to analyze the Golden Horde model of national policy as a model adopted by the Russian state. Drawing on published works by Russian authors, it identifies a number of characteristics of this model in the political, economic, and spiritual spheres aimed at organizing the lives of ethnic groups and the relationships between them.

Key words: Golden Horde, model, national policy, ethnicity, power, national elites, taxpaying class, attitude towards religions.

Cite as: Laktionov, V.V., Nikishin, S.V (2026) The Golden Horde model of national policy and the experience of its use in the history of the Russian state. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (1), 145–151. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_145.

Received 21.01.2026

Accepted 30.03.2026